

Белоус А. О.

СПЕЦИФИКА СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ. К. Д. КАВЕЛИН И М. П. ПОГОДИН.

SPECIFICITY OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE OF RUSSIAN HISTORY.
K. D. KAVELIN AND M. P. POGODIN.

Белоус А. О. Преподаватель высшей школы (специализация Философия), член Российского философского общества (РФО), член — корреспондент Международной Академии Наук (Российское отделение, гуманитарные науки, г Инсбрук Австрия) член International Academy of Science (USA), член European Academy Of Natural History, член Российской академии естествознания. 55523@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исторической и философской дискуссии К. Д. Кавелина и М. П. Погодина.

Annotation: This paper is devoted to historical and philosophical discussion K. D. Kavelin and M. P. Pogodin.

Ключевые слова: история философии, философия истории, концепция, социальная философия, социо-гуманитарное познание.

Keywords: history of philosophy, philosophy of history, concept, social philosophy, socio-humanitarian cognition.

В 1847 г. в №1 «Отечественных записок» К. Д. Кавелин опубликовал рецензию на вышедшую в 1846 г. книгу М. П. Погодина «Историко-критические отрывки», в которой были собраны статьи за разные годы. Свою рецензию Кавелин начал с определения места Погодина в русской историографии первой половины XIX в.

Погодин, по словам Кавелина, «был одним из тех немногих исследователей, которые старались подойти к фактам поближе и взглянуть на них проще, нежели их предшественники»¹. Он начал свою научную деятельность как один из первых критиков Карамзина, как глава нового критического направления, но затем испугался собственных последователей, которые «пошли» еще дальше, и в результате выглядел к концу 40-х гг. «защитником старого против нового», который к тому же «стоит на стороне Карамзина»². Причину этого Кавелин видел в том, что Погодин, «как и многие другие, отдался частностям... забыл главное — целое прошедшее воз-

¹ Кавелин К. Д. Собр. Соч.: В 4 т. — СПб. 1897–1900. — Т. 1. — стлб. 223

² Там же, стлб. 225

зрение, которое нужно было изменить с корня». В результате он, «очень удачно нападая на Карамзина в отдельных фактах и явлениях исторических, остался при нем в целом, и так и не понял или забыл свое призвание в русской исторической литературе»¹. (3) Рецензируемая книга имела в глазах Кавелина прежде всего историографический интерес, позволяя представить эволюцию исторических взглядов Погодина.

Написанную им в 1825 г. статью «О характере Иоанна Грозного» Кавелин считал «критической». (4) В ней Погодин не соглашался с Карамзиным, считавшим, что Иван IV был идеалом царя до смерти своей первой жены Анастасии и извергом после ее кончины. Полагая подобное превращение неестественным, Погодин утверждал, что «Иоанн никогда не был велик» и, будучи человеком ничтожным, сначала находился под влиянием людей, искавших пользы для страны, и им-то, а не царю Россия обязана реформами начала царствования; когда же Иван IV освободился от этой зависимости, он дал волю своим дурным свойствам. (5) Не разделяя взгляд Погодина на Ивана IV, Кавелин видел в его рассуждениях «шаг вперед в нашей исторической критике». (6) С тех же позиций он рассматривал и статьи об убийстве царевича Дмитрия и о первом самозванце, в которых видел достоинство «чисто критическое», продиктованное стремлением отбросить «непонятное, бессвязное, баснословное в нашей истории» и противопоставить им «догадки, разбор существующих представлений и обличение их несообразности с здравым рассудком и естественным, необходимым порядком вещей». (7)

Затем Кавелин разбирает статьи Погодина, в которых он уже усматривает больше недостатков, чем достоинств. Отмеченное им в ранних статьях «отсутствие собственно исторического смысла» в еще большей мере, по его мнению, сказалось в последующих работах Погодина. В них ослабла критическая сторона, а там, где Погодин «начал прагматизировать, оказалось, что он ни на шаг не ушел дальше Карамзина... к недостаткам карамзинского взгляда присоединил еще несколько и от себя». (8) В статье «Взгляд на русскую историю» (вступительная лекция, прочитанная Погодиным в 1832 г.) Погодин, по словам Кавелина, не показал внутреннего развития России и даже не поставил вопроса о необходимости его изучения. «Недовольный частностями в истории Карамзина, он остался ею доволен в главном и целом», т.е. не посягнул на общеисторические построения автора «Истории государства Российского». (9)

Бесплодными считал Кавелин и попытки Погодина отвлеченно противопоставлять друг другу русские и западноевропейские институты (феодализм и удельную систему, продолжение традиций Римской империи и Византии, монгольское иго и крестовые походы и т.п.). Он указывал на необходимость выяснения внутренней связи событий в русской истории, рассмотрения «совокупности народной жизни», изучения «истории народа как саморазвивающегося живого организма, в строжайшей постепенности изменяющегося вследствие внутренних причин, которым внешние события служат или выражением, или только поводом к обнаружению».

Кавелин прямо противопоставлял концепции Погодина этот новый взгляд на историю, который он разрабатывал вместе со своими сторонниками. При этом он замечает, что новый подход к историческим событиям, в основе которого лежит «прозаический взгляд», имел одним из следствий то, что «много прекрасных благородных мечтаний улетело с этим новым прозаическим взглядом на историю». К таким «улетевшим мечтаньям» Кавелин относил, — в частности, идеализацию «первоначального быта славян». (10) В изложении Погодина, не приемлющего нового взгляда на историю, Кавелин отмечает постоянное стремление объяснять исторические события фатальными обстоятельствами, отсутствие попыток искать между ними глубокую причинно-следственную связь. (79) Так, реформа Петра I, в трактовке Погодина, является отдаленным следствием смерти царевича Дмитрия, повлекшей за собою пресечение династии Рюриковичей, и т.д. (11) В результате русская история у Погодина, по его собственным словам, — «целый курс психологии в лицах», а многочисленные исторические события «суть такие романы, которых никогда не могло бы создать богатое воображение Вальтера Скотта». (12) С особенной резкостью выступает Кавелин против заключительного вывода Погодина, гласящего, что «Российская история может сделаться охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия». Так в рамках академической рецензии выступил политический смысл научных дискуссий историков. Сдержанно, но достаточно определенно Кавелин дал понять, что он не только не согласен с трактовкой Погодиным событий прошлого, но и не разделяет его политических идеалов. «Читатели видят, что г. Погодин часто смешивает политику с историей и что это смешение не всегда ему дается», — замечает он. (13)

В статьях «О Москве» и «Приращения Москвы» Погодин изложил свой взгляд на исключительную роль, которую сыграла Москва в истории России. При этом он говорил, что Москва «займет,

может быть, еще много великих страниц в книге судеб Русских, Европейских и человеческих». (14) Кавелин, соглашаясь с доводами Погодина о большом значении Москвы до конца XVII в., с тем, что «Москва есть корень, зерно, семя Русского Государства», возражал против его утверждения, что «все части, составляющие нынешнюю Российскую империю, суть приобретения Москвы, так что всю Россию можно в этом смысле назвать распространившеюся Москвою». (15) Это положение неверно «со времен Петра, когда правительственным центром России стал Петербург и события перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими». (16) Поэтому, считал Кавелин, статья написана «с древнемосковской точки зрения». (17)

Статьи Погодина о местничестве привлекают внимание Кавелина как своими сильными сторонами — большим материалом и ценными наблюдениями, так и слабыми — показывающими, что Погодин выступает больше как археолог, а не историк. При этом он противопоставляет им упомянутую статью Соловьева в «Московском сборнике», которая показывает «постепенное развитие, изменение понятий о старшинстве». Кавелин подчеркивает, что возникновение местнических счетов было шагом вперед в древней Руси, поскольку, ослабило род и способствовало упадку исключительно кровных отношений. (18) Что же касается первой половины удельного периода, то в нем он усматривал почти полное господство родового начала, которое, хотя и было непродолжительным в силу отсутствия в древней Руси юридической определенности, исключало применение местнических счетов и понятий к междукняжеским отношениям. Поэтому важным пробелом в работе Погодина Кавелину представлялось то, что тот недостаточно четко отделяет «различные фазисы удельного периода и княжеских отношений» и никак не оценивает значение удельных отношений в русской истории. (19) Историк, в отличие от археолога или простого любителя старины, должен, по мнению Кавелина, обращать особое внимание на выяснение обстоятельств процесса исторического развития.

Этот недостаток усматривал Кавелин и в написанной в 1841 г. статье Погодина «О Петре Великом». Солидарный со славянофилами в противопоставлении Москвы Петербургу, Погодин в отличие от них признавал большое значение реформ Петра I. Он приводил многочисленные примеры того, что нововведения Петра I вторглись во все стороны государственной жизни и быта России, что современные ему люди на каждом шагу сталкиваются с последствиями реформ первой четверти XVIII в. (89) Но Погодин видел в реформах

не следствие общего исторического развития России, а результат личного произвола Петра I. Поэтому, говорит Кавелин, даже после повторного чтения статьи Погодина «не остается в голове никакого результата, и вопрос о великой реформе представляется мыслящему человеку столько же таинственным, загадочным, как и прежде». (20) Погодин, по мнению Кавелина, «вероятно, имел в виду также мнение, что реформа Петра, по крайне ограниченному, полу-восточному состоянию страны, в которой она произошла, носила и должна была носить чисто личный характер, так что ее единственный двигатель — Петр, был для России все; что он действовал как ее воплощенный идеал, и во имя ее же действовал как ее воспитатель, исправитель, опекун и наставник». (21) С некоторым удивлением отнесся Кавелин и к утверждению Погодина, что с Петра I началась новая эпоха в истории человечества — западно-восточная, европейско-русская, в которой «западная пытливость» будет освящена «восточной верой». Удивление Кавелина по поводу такого «европейско-русского синтеза» усиливается тем, что Погодин благоволит к Востоку и не благоволит к Западу, «следовательно, не совершенно беспристрастен к тому и другому». (22)

Разбирая статьи «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала» и «За русскую старину», написанные Погодиным в 1845 г., Кавелин отмечает, что они развивают мысль, высказанную еще во вступительной лекции 1832 г., о параллелизме между историей России и европейских государств, существовавшем, несмотря на несходство и даже противоположность их развития. (23) Во имя этого «параллелизма» Погодин в статье «Бретань и ее жители» доказывал наличие в русской истории «среднего века», который он всячески идеализировал. (24) Необоснованность подобного идиллического изображения древней Руси Кавелин доказывал самой необходимостью «полной и радикальной реформы» начала XVIII в. Здесь же Кавелин вновь подчеркивал свое отрицательное отношение к охранительским настроениям Погодина. «Желая сделать из русской истории «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия», он непременно требует, чтоб и она имела свой средний век, после которого, как известно, и начала развиваться полиция предупредительная. Иначе она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодиным». (25)

Рецензия Кавелина на трехтомный труд Погодина «Исследования; замечания и лекции о русской истории» носила несколько иной характер. В ней Кавелин оценивает значение работ Погодина для изучения древнейшего периода русской истории, «кото-

рый называется Варяжским и оканчивается смертью Ярослава (1504 г.)». (26) Кавелин полагал, что достоинства и недостатки этого труда, в котором Погодин собрал написанные им в разные годы работы с некоторыми дополнениями и изменениями в соответствии с новыми достижениями науки, определяются местом Погодина в русской исторической науке. При этом Кавелин повторял доводы, изложенные в рецензии на «Историко-критические отрывки». По его мнению, Погодин выступил на сцену в то время, когда характер исторической критики начал изменяться и из przygotowательных исследований стала рождаться история в собственном смысле.

Определяя место Погодина в русской исторической науке, касаясь его взаимоотношений с другими историками, Кавелин остаивается на полемике Погодина с М.Т. Каченовским, отмечая при этом положительные и отрицательные черты последнего. По мнению Кавелина, главная заслуга Каченовского состояла в том, что он «первый почувствовал неудовлетворенность прежнего, теперь мало-помалу исчезающего, натянутого, неестественного воззрения на русскую историю». Он видел в Каченовском человека «с талантом, начитанного, знакомого с требованиями науки и критикой», восставшего против Карамзина и, попытавшегося «привести русскую историю к ее естественным размерам, снять с глаз повязку, которая показывала многое в превратном виде, и возвратит или, правильнее, привести нас к воззрению, равному времени, в которое совершались события». Однако, преследуя поставленную цель, Каченовский, как полагает Кавелин, «с жаром, достойным великого уважения», «впал в крайность, которая существенно повредила его делу». По словам Кавелина, «вместо того чтоб из самой летописи и источников показать младенческое состояние нашего общества в IX, X, XI и последующих веках, он старался опровергнуть самые источники», отрицал существование кожаных денег в древней Руси, оспаривал подлинность Русской правды. (27) «Все так называемые его ученики уцепились за букву и принялись опровергать подлинность летописей; ни один из них не схватил главной мысли Каченовского, и она на время была погребена». (28) Оценку Каченовского Погодиным Кавелин отвергает как «несправедливую, пристрастную, крайне ограниченную». (29) Кавелин убежден, что хотя Погодин казался победителем в этом споре, тем не менее «по своей точке зрения Каченовский вполне прав, гораздо правее г. Погодина», (30) и «на самом деле великим лицом в этом споре является не г. Погодин, а Каченовский». (31) Все дело в том, что «вопрос, поставленный Каченовским, обойден,

не понят», но «время не прошло, оно только настанет: Каченовский найдет себе защитников и продолжателей». (32)

Кавелин, считая Погодина «толкователем, экзегетикой, а не историком в настоящем смысле слова», не способным подняться «до высшего исторического развития» и открыть новую эпоху, писал: «У него нет цельного взгляда на предмет, взгляда, в котором различные эпохи и фазисы хоть как-нибудь вязались бы между собою. У него есть светлые мысли, но нет ясной системы; есть ученые приемы, довольно удачные, но совершенно нет методы... у него есть страсть, общая всем специалистам, — возводить в систему свою нелюбовь, нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет». (33)

Он спорит с Погодиным, для которого «что ни исследование с цитатами и всем ученым аппаратом, то уж непременно пустая фраза, непременно система, построенная из ничего». (34) Со своей стороны Кавелин настаивает на правомерности существования в исторической науке как практических, так и теоретических исследований. Невнимание к теоретическим занятиям и обобщениям он считает недостатком, присущим в целом русской исторической науке. (35)

Как полагает Кавелин, Погодин, будучи противником систем и теорий, одновременно «сам как бы невольно их строит», поскольку «у него, современника Каченовского, было тоже какое-то смутное предчувствие цельного, полного взгляда на русскую историю». (36) При этом Погодин, по мнению Кавелина, «иногда наперекор фактам, преследует любимую мысль» и впадает в «исторический мистицизм». Наиболее ярко этот исторический мистицизм выразился в «Исторических афоризмах», в которых Погодин «остановился на точке какого-то благоговения перед каждым историческим событием, не стараясь объяснить его значение и место в целом историческом развитии. Мог бы умереть Игорь, да не умер, мог бы Олег иметь детей — да не имел, Святослав чуть-чуть не поселился в Болгарии, да очень кстати случился тогда в Греции Цимисхий и помешал ему привести замысел в исполнение». Перечисляя эти примеры, Кавелин показывает, что у Погодина получается цепь событий без внутренней логической связи и какой-либо закономерности — «буква за буквой идет, и что-то выходит». (37)

Кавелин отмечает, что если следовать совету Погодина «молодым друзьям» русской истории, студентам университетов — до того как обратиться к «рассуждениям, толкованиям и высшим взглядам», собирать из всех доступных источников сведения об изучаемом предмете и уже только после этого переходить к выво-

дам, (38) — то можно получить «ряд прекрасных монографий», но не русскую историю. Кавелин считает, что Погодин преувеличивает одну часть задачи, стоящей перед историком, — исследование отдельных проблем, — и забывает о «второй, последней, окончательной, которая не может быть разрешена без пособия высших взглядов, теории, системы». (39)

Рассматривая последовательно 14 глав первого тома «Исследований» Погодина, Кавелин старается отметить как достоинства, так и недостатки. Он положительно отзывается об усилиях Погодина при помощи иностранных свидетельств доказать достоверность русской летописи, (40) рассмотреть достоверность договоров русских князей с греками (41), о главе VII, где Погодин делит Несторову летопись (но Лаврентьевскому списку) на части и показывает, откуда каждая могла быть заимствована. (42) Но, коснувшись главы VIII, посвященной сказкам в Несторовой летописи, Кавелин находит, что «во всех трех томах нет такой слабой главы, как эта». (43) Он считает, что на основании сказок, помещенных в летописи, можно воссоздать «дух времени», но нельзя, как это пытаются делать Погодин, устанавливать достоверность и точность фактов. (44) Неудачной он считает и главу IX, в которой Погодин старается подкрепить достоверность летописи «свидетельствами современных близких туземных памятников, свидетельством современных иностранных писателей, географическими названиями, сохранившимися в последующих памятниках..., внутренними доказательствами и личным характером Нестора». Кавелин считает неубедительным доказательство достоверности летописи ее согласием с другими древнейшими памятниками, поскольку они сами могли быть заимствованы из летописи. Так, Погодин, замечает Кавелин, — признает, что «Слово Даниила Заточника» несет заметные следы такого заимствования. Этим путем можно доказать древность, но не достоверность летописи. Доказательства, основанные на названиях местности, также свидетельствуют о древности, но опять-таки не о достоверности летописи. Кавелин упрекает Погодина в том, что тот «позволяет себе много напыщенных фраз, воображает, что совершил патриотический подвиг, защитив летопись и летописца от нападков скептиков, а между тем в других этих фраз не терпит». (45) Поэтому он советует Погодину вместо звонких фраз обратить «внимание на несообразности, которые встречаются у Нестора, на беспорядок в его известиях, на неумение согласить вставки с текстом, на то, что рассказ о походе Святославе не сообразен с словами договора». (46) В главе XI о церковных уставах Владимира и Ярослава Кавелин находит лишь

«повторение того, что уже говорил Карамзин, митроп. Евгений, Розенкамф — и против, и в защиту подлинности этих уставов». (47)

Он вновь останавливается на критике Погодиным взглядов Каченовского, обращая внимание на недопустимый, с его точки зрения, тон полемики, и указывает на ряд частных промахов в опровержениях Погодина. (48)

Обратившись ко второму тому «Исследований», посвященному изучению «двух главных, основных элементов; из которых сложилась Россия: варяго-русов и славян», Кавелин не соглашается с распространенным тогда мнением, что этот вопрос «совсем не имеет той важности». (49) Подробно разбирая доводы Погодина и уточняя многие детали, Кавелин очень осторожен в выводах. Он высказывает по конкретным вопросам лишь предположения. В частности, он допускает, что варяги были не германского происхождения, а славянского. (50) Но в целом он считает проблему очень важной, поскольку в его подходе к рассмотрению русской истории большое значение имел ответ на вопрос, какой «элемент принесли с собой варяги», так как во всем внутреннем устройстве Московской Руси, считал Кавелин, можно усмотреть «отголосок варяжского элемента». (51) Например, в «Русской правде» он видел прямое доказательство того, что князь сам выполнял судебные функции. Он считал, что ограничение княжеской власти наступило позднее. (52)

Кавелин не соглашался с Погодиным, мимоходом отрицавшим существование феодальных отношений на Руси. По его мнению, ряд свидетельств подтверждал предположение о феодальных порядках при варягах. (53) К ним он относил упоминания о договорных отношениях между князем и дружинниками, (54) текст договора Игоря с греками, из которого вытекало наличие на Руси не одного князя, а нескольких, находившихся в вассальной зависимости от великого князя, что подкреплялось и свидетельством Константина Багрянородного. (55) Кавелин не придавал значения личности самого Рюрика, возражал против идеализации деятельности варяжских князей. (56) Он полемизировал с Погодиным, который считал, что решительные действия участников восстания в Киеве в 1068 г. объяснялись влиянием варяжского элемента. (57) Впрочем, оба, и Погодин, и Кавелин, не попытались вскрыть внутренние причины этого восстания, а лишь рассуждали о возможном воздействии на характер событий посторонних причин.

Одобрительно отзывавшись о главах, дававших обстоятельные сводки летописных свидетельств о военном деле на Руси, Кавелин делал ряд уточнений, используя разнообразные, в том числе и арабские, источники. (58)

Главу VIII о древнерусской торговле Кавелин называет «образцом исторической критики». (59) Вместе с тем он считает, что Погодин смотрит на торговлю в VIII, IX и X вв. «глазами нашего времени» и преувеличивает ее значение. Сам Кавелин считает, что торговля в те времена была транзитной, (60) носила более пассивный, чем активный характер, добавляя, что такой она была до Петра I. Он не согласен и с тем, что области, через которые проходили торговые пути, были более развиты, чем остальные. Исключение он делает только для Новгорода и Пскова. (61) В разборе этой главы сказались приверженность Кавелина к юридическим отношениям, его недостаточное внимание к проблемам, выходящим за их пределы, в частности к вопросам экономики. В этом отношении «собиратель старины» Погодин невольно дал более широкое толкование причинам исторического развития России. В его рассуждениях можно отметить зачатки тех построений, которые впоследствии выдвинут историки, сторонники «экономического направления» и особенно В.О. Ключевский.

Коснувшись глав, посвященных религии, грамотности, языку и образованию, (62) Кавелин переходит к главе VII, содержащей обзор юридическому быту и законодательных памятников. (63) Он находит, что в ней Погодин дал поверхностный обзор законов и законодательных памятников, хотя и привел довольно удачно места из летописи, посвященные юридическому быту, сделав из них сравнительно удовлетворительные выводы. Говоря о главе X «Формация государства», в которой Погодин изложил свой общий взгляд на исторические явления, Кавелин признает «долю правды» в том, что Погодин рассматривает изучаемый период как «первоначальную историю народа», когда еще нельзя проследить проникнутое «одним духом» органическое развитие истории. Считая обоснованным стремление Погодина отмежеваться от «отвлеченного схоластического воззрения», Кавелин вместе с тем называет серьезной ошибкой этого историка отказ от выработки строго логического обоснования закономерности исторического развития, связанные с ним увлечение частными вопросами и объяснение исторических событий случайным стечением обстоятельств. (64) Коснувшись при разборе главы XI взгляда Погодина на «параллель Русской истории с историей Западных Европейских государств», Кавелин утверждает, что история России и история стран Западной Европы «до того различны между собою, что при всех видимых, случайных, иногда разительных сходствах, нет никакой возможности сравнивать их между собою». (65) Признание своеобразия русской истории было характерно в 40-е гг. XIX в. для представителей

различных направлений в русской историографии. Н.П. Павлов-Сильванский писал, что своеобразие русской истории казалось тогда неоспоримым. Он отмечал, что в этом пункте западники, в том числе и Кавелин, соглашались со славянофилами. (66).

Вывод:

Рассуждая, в чем главная причина резкого несходства между историей России и стран Западной Европы, Кавелин считал весьма вероятным, что она — «в различии элементов, исторической почвы, на которой совершались события», в частности в особенностях «удивительного» славянского племени, «ключа к национальному характеру» которого еще нет, несмотря на то что о нем написано и сказано очень много. (67) Погодин, полагает Кавелин, «тоже чувствует это различие, но проводит его не до конца». (68)

Здесь в споре Кавелина с Погодиным сложилось довольно оригинальное положение. Западник Кавелин настаивает на том, что между европейской и русской историей существует только случайное, поверхностное сходство, что аксиоматические положения в европейской истории, с помощью которых можно безошибочно судить об истории любого европейского государства, ничего не объясняют в русской истории. Близкий же к славянофилам Погодин, занявшись старательным выписыванием и сопоставлением данных, свидетельствующих об истории России и стран Запада, приходит к заключению, что при всем различии они имели между собой много общего. (69)

Кавелин считает, что, «действительно, русская история представляет совершенную противоположность истории западных государств, и даже теперь мы видим то же самое, хотя уже не столько резко, как прежде». Но эту противоположность он рассматривает как «противоположность предметов разнородных, которые потому только и различны, что решительно не имеют ничего общего между собою, ни одной точки одинаковой», и делает вывод: «Славянский мир и Россия, может быть, по преимуществу, почва для будущего, тогда как жизнь европейских государств уже обозначилась». (70)

Завершая разбор трудов Погодина, Кавелин говорит о той задаче, которую решает история, о ее связи с современностью и будущим. Он пишет, что история исследует условия, в которых все народы земли стремятся к одному идеалу, хотя и различными путями. Историк должен «выяснить событие, период, эпоху так, как будто бы мы сами в ней жили и действовали». В таком случае даже в прошлые времена можно будет увидеть такого же человека, как современный. Различие будет лишь «в большей или меньшей его развитости». Движущее начало истории, главную причину измене-

ний, реформ и переворотов Кавелин видел в стремлении человека «к полному, всестороннему нравственному и физическому развитию». В связи с этим он говорил, что «в этом смысле есть, конечно, и в России люди, которые смотрят на наше прошедшее, как на состояние неудовлетворительное в сравнении с последующим, даже маловажное и во всяком случае не заслуживающее того, чтоб об нем сожалеть». Однако утверждение Погодина, что «некоторые отказываются от своей истории», Кавелин называет «нелепостью, о которой не стоит и говорить». Он считает, что прошлое можно только судить, «судить очень строго, беспристрастно и желать, чтобы оно оставило по себе как можно менее следов и чтобы эти следы изгладились как можно скорее». (71)

Литература:

1. *Кавелин К.Д.* Собр. Соч.: В 4 т. — СПб. 1897–1900.
 2. *Муравьев В.А.* Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского // История и историки: Историографический ежегодник. — 1972. М.: Наука, 1973. — с. 358.
 3. *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. — М., 1846. — 453 с.
 4. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7тт. — М., 1846–1857.
-
1. Кавелин К.Д. Собр. Соч.: В 4 т. — СПб. 1897–1900. — Т.1. — стлб. 223
 2. Там же, стлб. 225
 3. Там же, стлб. 225–226
 4. Там же, стлб. 227.
 5. Там же, стлб. 227–228
 6. Там же, стлб. 228.
 7. Там же, стлб. 229.
 8. Там же, стлб. 229–230.
 9. Там же, стлб. 231.
 10. Там же, стлб. 233.
 11. Там же, стлб. 233–234.
 12. Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846, с. 12
 13. Там же, с. 15.
 14. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 236.
 15. Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 163.
 16. Там же.
 17. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 240.
 18. Там же, стлб. 241
 19. Там же, стлб. 240.
 20. Там же.
 21. Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 340–342.
 22. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 241.
 23. Там же, стлб. 246.
 24. Там же, стлб. 247.
 25. Там же, стлб. 248, 249.
 26. Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 439.
 27. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 250.
 28. Там же, стлб. 95.

29. Там же, стлб. 100.
30. Там же, стлб. 100–101.
31. Там же, стлб. 99.
32. Там же, стлб. 101.
33. Там же, стлб. 101–102.
34. Там же, стлб. 102
35. Там же, стлб. 104.
36. Там же.
37. Там же, стлб. 104–105.
38. Там же, стлб. 105–106.
39. Там же, стлб. 106.
40. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т.1. М., 1846, с. XI.
41. Кавелин К.Д. Собр. Соч., т.1, стлб. 107
42. Там же, стлб. 109.
43. Там же, стлб. 115–116.
44. Там же, стлб. 118–122.
45. Там же, стлб. 122.
46. Там же, стлб. 125.
47. Там же, стлб. 125.
48. Там же, стлб. 126.
49. Там же, стлб. 130.
50. Там же, стлб. 126, 131–136.
51. Там же, стлб. 137.
52. Там же, стлб. 143–149.
53. Там же, стлб. 138.
54. Там же, стлб. 159–160.
55. Там же, стлб. 163.
56. Там же, стлб. 163–164.
57. Там же, стлб. 164.
58. Там же, стлб. 167
59. Там же, стлб. 170–171
60. Там же, стлб. 172–173
61. Там же, стлб. 173
62. Там же, стлб. 175
63. Там же, стлб. 176
64. Там же, стлб. 178–182
65. Там же, стлб. 182
66. Там же, стлб. 191–193
67. Там же, стлб. 201
68. Муравьев В.А. Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973, с. 358.
69. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 201.
70. Там же, стлб. 202
71. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции, т. 3, с. 500,501.
72. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 220.
73. Там же, стлб. 221